

Вольтер

МИКРОМЕГАС

(Отрывок)

Вот что говорит в сказке Вольтера выставляемое им лицо Микромегас, существо с другой планеты, разговаривающий с людьми:

— О вы, разумные атомы, в которых вечное существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так, мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ.

На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что за исключением малого числа мало уважаемых деятелей все остальное населению состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

— В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, — сказал он. — Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведётся с незапамятных времен по всей земле.

— Из-за чего же ссорятся маленькие животные?

— Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной вашу пятку, — отвечал философ, — и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой никогда не видал этого кусочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видал того животного, ради которого они режутся.

— Несчастные, — вскрикнул житель планеты Сириуса. — Можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц.

— Не трудитесь делать это, — отвечали ему. — Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это Бога.

Виктор Гюго СИЛА ДЕТСТВА

(В пересказе Л.Н.Толстого)

— Убить!.. Застрелить!.. Сейчас застрелить мерзавца!.. Убить!.. Горло перерезать убийце!.. Убить, убить! — кричали мужские, женские голоса толпы.

Огромная толпа народа вела по улице связанного человека. Человек этот, высокий, прямой, шел твердым шагом, высоко поднимая голову. На красивом, мужественном лице его было выражение презрения и злобы к окружающим его людям.

Это был один из тех людей, которые в войне народа против власти воюют на стороне власти. Его схватили теперь и вели на казнь.

«Что же делать! Не всегда сила на нашей стороне. Что же делать? Теперь их власть. Умереть так умереть, видно, так надо», — думал этот человек и, пожимая плечами, холодно улыбнулся на крики, которые продолжались в толпе.

— Это городской, он еще утром стрелял по нас! — кричали в толпе.

Но толпа не останавливалась, и его вели дальше. Когда же пришли на ту улицу, где по мостовой лежали вчерашние неубранные еще тела убитых войсками, толпа освиrepела.

— Нечего оттягивать! Сейчас тут и застрелить негодяя, куда еще водить его? — кричали люди.

Пленный хмурился и только выше поднимал голову. Он, казалось, ненавидел толпу еще более, чем толпа ненавидела его.

— Перебить всех! Шпионов! Царей! Попов! И этих мерзавцев! Убить, убить сейчас! — взвизгивали женские голоса.

Но руководители толпы решили довести его до площади и там разделаться с ним.

До площади уже было недалеко, когда в минуту затишья в задних рядах толпы послышался плачущий детский голосок.

— Батя! Батя! — всхлипывая, кричал шестилетний мальчик, втискиваясь в толпу, чтобы добраться до пленного. — Батя! Что они с тобой делают? Постой, постой, возьми меня, возьми!..

Крики остановились в той стороне толпы, с которой шел ребенок, и толпа, расступаясь перед ним, как перед силой, пропускала ребенка все ближе и ближе к отцу.

— А какой миленький! — сказала одна женщина.

— Тебе кого? — сказала другая, нагибаясь к мальчику.

— Батю! Пустите меня к батю! — пищал мальчик.

— Тебе сколько лет, мальчик?

— Что вы с батей хотите делать? — отвечал мальчик.

— Иди домой, мальчик, иди к матери, — сказал мальчику один из мужчин.

Пленный уже слышал голос мальчика и слышал, что говорили ему. Лицо его стало еще мрачнее.

— У него нет матери! — крикнул он на слова того, кто отсылал ребенка к матери.

Все ближе и ближе протискиваясь в толпе, мальчик добрался до отца и полез к нему на руки.

В толпе кричали все то же: «Убить! Повесить! Застрелить мерзавца!»

— Зачем ты из дома ушел? — сказал отец мальчику.

— Что они с тобой хотят делать? — говорил мальчик.

— Ты вот что сделай, — сказал отец.

— Ну?

— Знаешь Катюшу?

— Соседку? Как не знать.

— Так вот, пойди к ней и там побудь. А я... я приду.

— Без тебя не пойду, — сказал мальчик и заплакал.

— Отчего не пойдешь?

— Они прибьют тебя.

— Нет же, они ничего, они так.

И пленный спустил с рук мальчика и подошел к тому человеку, который распоряжался в толпе.

— Послушайте, — сказал он, — убивайте меня, как и где хотите, но только не при нем, — он показал на мальчика. — Развяжите меня на две минуты и держите за руку, а я скажу ему, что мы с вами гуляем, что вы мне приятель, и он уйдет. А тогда... тогда убивайте, как хотите.

Руководитель согласился.

Тогда пленный взял опять мальчика на руки и сказал:

— Будь умник, пойди к Кате.

— А ты что же?

— А ты видишь, я гуляю вот с этим приятелем, мы пройдем еще немного, а ты иди, а я приду. Иди же, будь умник.

Мальчик уставился на отца, нагнул головку на одну сторону, потом на другую и задумался.

— Иди, милый, я приду.

— Придешь?

И ребенок послушался. Одна женщина вывела его из толпы.

Когда ребенок скрылся, пленный сказал:

— Теперь я готов, убивайте меня.

И тут случилось что-то совсем непонятное, неожиданное. Какой-то один и тот же дух проснулся во всех этих за минуту жестоких, безжалостных, ненавидящих людях, и одна женщина сказала:

— А знаете что. Пустить бы его.

— И то, Бог с ним, — сказал еще кто-то. — Отпустить.

— Отпустить, отпустить! — загремела толпа.

И гордый, безжалостный человек, за минуту ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, и никто не остановил его.

ДОРОГО СТОИТ

Быль

(Рассказ по Мопассану)

Есть между Францией и Италией, на берегу Средиземного моря, маленькое, крошечное царство. Называется это царство Монако. В царстве этом жителей меньше, чем в большом селе, всего семь тысяч, а земли столько, что не хватит по десятине на душу. Но царек в царстве есть настоящий. Есть у этого царька и дворец, и придворные, и министры, и архиереи, и генералы, и войско.

Немного войска, всего шестьдесят человек, но все-таки войско. Доходов у царька мало. Налог есть, как и везде, и на табак, и на вино, и на водку, и подушные; и хоть пьют и курят, но народа мало, и нечем бы царьку кормить своих придворных и чиновников и самому прокормиться, кабы не было у него особого дохода. А особый доход у него в царстве с игорного заведения — рулетки. Люди играют, проигрывают, выигрывают, а содержателю всегда барыш. А с дохода содержатель царьку платит большие деньги. А большие деньги потому платит, что осталось такое игорное заведение теперь только одно во всей Европе. Прежде были также игорные заведения у маленьких немецких князьков, но их лет десять тому назад запретили. А запретили за то, что от игорных заведений много бед бывало. Приедет какой-нибудь, начнет играть, зарвется, спустит все, что есть, и даже чужие деньги, а потом с горя либо топится, либо стреляется. Немцы своим князькам запретили, а монакскому царьку запретить некому: у него одного осталось.

И с тех пор все охотники поиграть к нему едут, у него проигрываются, а ему барыш. От трудов праведных не наживешь палат каменных. Знает и монакский царек, что дело это скверное, да как же быть-то? Жить надо. Ведь и с водки и с табаку кормиться не лучше. Так и живет этот царек, царствует, денежки огребает и ведет у себя во дворце все порядки, как у настоящих больших королей. Так же коронуется и выходы делает, и награды раздает, и казнит, и милует, и так же у него парады, и советы, и законы, и суды. Все как и у настоящих королей. Одно — что все маленькое.

И вот случилось раз, лет пять тому назад, у королька этого в царстве смертоубийство. Народ в царстве смирный, и прежде таких дел не бывало. Собрались судьи, всё честь честью, стали судить, всё как должно. И судьи, и прокуроры, и присяжные, и адвокаты. Судили, судили и присудили по закону отрубить преступнику голову. Хорошо. Представили королю. Прочел король приговор, утвердил. Казнить так казнить. Одна беда: нет у них в царстве ни гильотины, чтоб голову рубить, ни палача. Подумали, подумали министры и решили написать французскому правительству запрос: могут ли французы

выслать им на время машину и мастера, чтобы отсечь преступнику голову, и, если можно, чтоб уведомили, сколько понадобится на это дело расходов. Послали бумагу. Через неделю получают ответ: прислать машину и палача можно, расходу за все шестнадцать тысяч франков. Доложили царьку. Подумал, подумал царек — шестнадцать тысяч франков! «Не стоит, говорит, негодяй этих денег. Нельзя ли как подешевле? А то шестнадцать тысяч франков — ведь это значит по два франка с лишком налога наложить на каждого жителя. Тяжело покажется. Как бы не взбунтовались». Собрали совет — как делу помочь? Решили послать с тем же к итальянскому королю. Французское правительство — республика, царей не уважает, а король итальянский все-таки свой брат, авось дешевле возьмет. Написали; получают скоро ответ. Пишет итальянское правительство, что и машину и мастера они пришлют с удовольствием. А что стоит все со всем, с проездом, будет двенадцать тысяч франков. Дешевле, а все дорого. Опять не стоит мерзавец денег таких. Выходит, опять без малого по два франка на человека надо накладывать. Опять собрался совет. Думали, думали — нельзя ли как подешевле? Не возьмется ли из солдат кто по-домашнему отрубить голову? Позвали генерала. «Что, не найдется ли солдат какой, чтобы отрубить голову? Все равно ведь на войне убивают. Солдат на то ведь и готовят». Поговорил генерал с солдатами — не возьмется ли кто? Не взялись солдаты. «Нет, говорят, мы этого не умеем и не учились».

Как быть? Опять думали, думали, собрали комитет, комиссию, подкомиссию. Передумали. Надо, говорят, смертную казнь заменить тюрьмой вечной. И милосердие покажет царь, и расходов меньше. Согласился царек, и так и решили. Одно горе — такой тюрьмы особенной нет, чтобы запереть на вечное время. Есть кутузки, так, легонькие, куда на время сажают, а прочной тюрьмы, чтобы навечно запереть, — нет такой. Ну, все-таки приискали помещение. Посадили молодца. Приставили сторожа.

Сторож и караулит и за едой для преступника на кухню во дворец ходит. Сидит так молодец шесть месяцев, сидит год. Стал царек сверять в конце года расходы и приходы, видит: на содержание преступника новый расход, да и не малый. Сторож особый да пища. В год шестьсот франков обошлось. А малый молодой, здоровый, пожалуй, лет пятьдесят проживет. Сочти-ка, во что станет. Расход большой. Нельзя так. Позвал царек министров: «Придумайте, говорит, как бы нам с этим негодяем подешевле разделаться. А то он нам так дорого станет». Собрались министры, думали, думали. Один и говорит: «Вот что, господа, — по-моему, отставить сторожа». А другой говорит: «Да ведь он уйдет». — «А уйдет, и пес с ним». Доложили царьку. Согласился и царь. Отставили сторожа. Смотрят, что будет. Только видят: пришло время обедать, вышел преступник, поискал сторожа, не нашел и пошел на кухню королевскую себе за обедом. Забрал, что дали, вернулся в тюрьму, запер за собой дверь и сидит. Назавтра то же. За пищей себе ходит,

а уходить — не уходит. Как быть? Подумали. Надо, говорят, ему прямо сказать, что не нужен он нам. Пускай уходит. Хорошо. Призывает его к себе министр юстиции и говорит: «Отчего вы, говорит, не уходите? Сторожа при вас нет. Можете свободно уйти, и царь не обидится». — «Царь-то, говорит, не обидится, да мне-то идти некуда. Куда я пойду? Вы меня приговором осрамили, меня никто не возьмет теперь, я от всех дел отстал. Вы, говорит, со мной неправильно поступаете. Так делать не годится. Ну, приговорили вы меня к смертной казни, хорошо. Надо было вам меня казнить, вы не казнили. Это раз. Я не стал спорить. Потом приговорили вы меня к вечной тюрьме и сторожа приставили, чтоб он мне пищу носил, потом отняли у меня сторожа. Это два. Опять я не стал спорить. Сам ходил за едой. Теперь вы говорите: уходи. Нет вы как хотите, а я никуда не пойду».

Как быть? Собрали опять совет. Что делать? Не уходит. Подумали, подумали. Надо ему пенсион назначить. Без этого не отделаешься от него. Доложили царьку. «Нечего делать, говорит, хоть как-нибудь с ним разделаться». Назначили ему шестьсот франков, объявили ему, «Ну, пожалуй, говорит, если будете верно платить, пожалуй, уйду».

Так и порешили. Получил он треть вперед, простился со всеми и выехал из владений царька. Всего четверть часа езды по железной дороге. Выехал, поселился поблизости, купил землицы, развел огород, садик и живет припеваючи. Ездит в сроки получать пенсион. Получит, зайдет в игорный, поставит франка два-три, иногда выиграет, иногда проиграет и едет к себе домой. Живет смирно, хорошо.

Хорошо, что грех случился с ним не там, где не жалеют расходов ни на то, чтобы отрубить голову человеку, ни на вечные тюрьмы.

У. Д. Хоуэллс

ЭДИТА

Воздух был насыщен войной, словно электричеством еще не разразившейся грозы. Эдита сидела, вглядываясь в жаркую весеннюю даль; губы ее были полураскрыты, она задыхалась от напряжения, решая, хватит ли у нее сил отпустить его. Она уже решила, что у нее не хватит силы позволить ему остаться, когда увидела его в конце еще не распустившейся аллеи; понунив голову, он медленно шел к дому, и все его тело казалось расслабленным. В нетерпении она выбежала на террасу, остановилась у края ступенек, властным усилием воли приказала ему идти быстрее и только потом громко окликнула его:

— Джордж!

Он ускорил шаги раньше, чем услышал ее голос, мистически отвечая на ее мистический призыв; теперь он поднял голову и ответил:

— Что?

«О, как тесно мы связаны!», — возликовала она и устремилась по ступенькам к нему навстречу.

— Ну что? — вскричала она.

— Война, — ответил он, притянул ее к себе и поцеловал.

Она тоже поцеловала его — бурно, но не думая о взаимной любви, и произнесла грудным голосом:

— Это великолепно!

— Война, — повторил он так, словно не разделял ее восторга, и она сперва растерялась. Она всегда терялась перед ним; в этом и была его тайна, его очарование. Все время, пока длился их роман, который совпал с нарастанием военной лихорадки, ее сбивало с толку его легкомысленное отношение к событиям. Казалось, его презрение к ним было даже сильнее отвращения, которое они в нем вызывали. Она могла бы еще понять его отвращение к кровопролитию вообще — это было бы отголоском его юности, когда он намеревался стать священником, до того, как он переменялся и занялся юриспруденцией. Однако такое несерьезное отношение к столь высоким и благородным идеалам указывало, по-видимому, на внутреннее легкомыслие. Впрочем, она не сомневалась, что сможет справиться с подобным природным недостатком и благодаря его любви к ней спасти его от него самого. Быть может, чудо уже совершилось в нем. Перед подавляющим величием того, что он возвестил, все мелочное в нем, наверное, уже исчезло, — она чувствовала это. Он опустил на верхнюю ступеньку, вытирая лоб носовым платком, и она забросала его вопросами об источнике его новостей и о их достоверности.

Но двойственное чувство подсказывало ей, что теперь с самого начала она должна остерегаться хоть одним словом, хоть одним поступком подтолкнуть его на совершение того шага, которого она жаждала всей душой, жаждала потому, что тогда он стал бы, наконец, вполне ее идеалом. Он и так был почти совершенен, и ему следовало позволить самому совершенствовать себя. Однако у него были странности, и можно было попробовать убедить его отказаться от них. Ее чувства брали верх над доводами рассудка: ее природа воздействовала на его природу, ее женственность — на его мужественность, хотя она сама не понимала, к каким средствам прибегает, чтобы добиться своей цели. Она всегда полагала, что человек, который завоеует ее сердце, что-нибудь для этого совершит; что именно, она не знала, но во всяком случае что-нибудь. Джордж Джирсон просто попросил ее любви, когда они однажды возвращались с концерта, и, не успев даже подумать, она отдала ему свою любовь. Теперь ее вдруг осенило: если он совершит подвиг, уже завоевав ее сердце, если он станет героем — ее героем, то так будет даже лучше, чем если бы он совершил подвиг раньше; так будет совсем замечательно. Кроме того, она с самого начала верила в эту войну.

— Неужели ты не понимаешь, милый, — сказала она, — что этого не случилось бы, не будь на то прямой воли провидения? Война, которая ведется за освобождение народа, столько лет борющегося против жесточайшей тирании, это славная война. Разве я не права?

— Может быть, — вяло ответил он. — Но это война! Что может быть славного в нарушении мира на земле?

— Позорного мира! Это не мир, когда у самого нашего порога творятся гнусные преступления! — Она сознавала, что, как попугай, повторяет модные газетные фразы, но сейчас было не время выбирать слова. Она должна все принести в жертву тому высокому идеалу, который создала для него; и, приведя несколько поспешных аргументов, она торжественно закончила:

— Но теперь уже не важно, как и почему. Раз война началась, все это утратило значение. Нет более двух сторон медали. Теперь существует только наша родина.

Он сидел, закрыв глаза и прислонившись головой к перилам; и ответил с неясной улыбкой, как будто размышляя вслух:

— Моя страна — и в правом и в неправом!..

— Да, и в правом и в неправом! — с жаром подтвердила она. — Я принесу тебе лимонада.

Она встала, зашелестев платьем, и упорхнула; когда она вернулась, неся поднос с двумя наполненными дымчатой жидкостью бокалами, в которых позвякивали кусочки льда, он сидел в той же позе, и она сказала, как будто их разговор не прерывался:

— Но в этом случае о неправом деле не может быть и речи. Эту войну я называю священной. Подлинной войной за свободу и гуманизм. И я знаю, ты еще поймешь это, как поняла я.

Он одним глотком отпил половину своего бокала и, ставя его на поднос, ответил:

— Я знаю, как высоки твои идеалы. Если я расхожусь с тобой во мнениях, я, должно быть, не прав.

Эдита чуть не разрыдалась, умиленная смирением столь совершенного человека, который с такой готовностью ставил себя ниже ее. Кроме того, она почти безотчетно чувствовала, что именно тогда, когда он бывает таким покорным, он легче всего может ускользнуть от нее.

— Зачем ты так говоришь? Но на этот раз я действительно права! — Она обеими руками сжала его руку и, пристально глядя ему в глаза, изливала в них свою душу. — Разве ты не согласен? — молила она.

Он высвободил руку и допил свой лимонад, а она добавила:

— Выпей и мой.

Он отрицательно покачал головой и ответил:

— Если я соглашусь, я должен буду доказать это делом.

Ее сердце на секунду замерло, а потом забилося так, что удары начали отдаваться в затылке. Она давно уже подметила в мужчинах эту странность: они считали необходимым действовать согласно своим убеждениям, а не ограничиваться одними заверениями, как это делали девушки. Она знала, о чем он думает, но притворилась непонимающей и сказала:

— Почему же...

И умолкла.

Он продолжал, не обращая на нее внимания, как будто говоря с самим собой:

— В подобных случаях есть только один путь доказать свои убеждения.

Она не могла сказать вслух, что хорошо это понимает, но понимала она это хорошо.

Он продолжал:

— Если бы я верил... если бы я относился к этой войне так же, как ты... Ты хочешь, чтобы я относился к ней так же, как и ты?

На этот раз она действительно не была уверена и поэтому сказала:

— Джордж, я тебя не понимаю.

Он, казалось, снова задумался и забыл о ней.

— В этом есть что-то заманчивое. Наверное, каждый мужчина в глубине сердца порой хочет подвергнуть свою храбрость испытанию, чтобы посмотреть, как он поступит.

— Как ты можешь говорить такие ужасные вещи?

— Веселого здесь действительно мало. Но если тебя не толкает честолюбие или не ведет убеждение, то все сводится к этому. Ни

убеждения, ни честолюбия у меня нет — значит, остается третье. Все-таки мне следовало стать священником; тогда мне не пришлось бы требовать этого от себя, как приходится теперь, когда я юрист. Ты веришь, что это священная война, Эдита? — неожиданно спросил он. — О, я знаю, что да! Но хочешь ли ты, чтобы и я в это поверил?

Она не могла разобрать, иронизирует он или говорит серьезно — он всегда чуть-чуть посмеивался над прямолинейностью ее суждений. Но она знала, что сейчас следует говорить откровенно.

— Джордж, я хочу, чтобы ты верил в то, что сам считаешь справедливым, только этого и ничего больше. Если я старалась тебя в чём-то убедить, беру все назад.

— Я знаю это, Эдита. Я знаю, как ты искренна и как... жаль, что у меня нет твоей убежденности! Я обдумываю все это; мне хотелось бы верить, как веришь ты. Но сейчас я не верю, не верю по-настоящему. И дело не только в этой войне, хотя она кажется мне особенно нелепой и ненужной; но ведь всякая война... как глупо! Меня это злит. Почему нельзя было уладить все разумно?

— Потому что, — сказала она, и голос ее снова стал трудным, — Бог избрал войну.

— Ты думаешь — Бог? Да, наверное, так будут говорить все.

— И ты считаешь, что война была бы, если бы Бог не пожелал ее?

— Не знаю. Иногда мне кажется, что Бог отдал этот мир людям, чтобы они поступали с ним по своему усмотрению.

— Но, Джордж, это же богохульство!

— Хорошо, я не буду богохульствовать. Я попробую уверовать в твое карманное провидение, — сказал он и поднялся, собираясь уходить.

— Ты не останешься обедать?

В Болком Уоркс обедали в час.

— Если разрешишь, я приду к ужину. Быть может, я приведу тебе новообращенного.

— Ну, на таком условии можешь прийти.

— Хорошо. Если я не приду, ты поймешь.

Он ушел, не поцеловав ее, и она восприняла это как временный разрыв их помолвки. Ей было безумно интересно: на ее долю выпало огромное испытание, и она сумела достойно встретить его. Пока она стояла, глядя ему вслед, одна из стеклянных дверей отворилась, и на террасу с кошачьей мягкостью и рассеянностью вышла ее мать.

— Почему он не остался обедать?

— Потому что... потому что... объявлена война, — отозвалась Эдита не оборачиваясь.

Ее мать сказала «ох!», умолкла, села в большую качалку и начала покачиваться. Затем она заключила вслух свои размышления:

— Надеюсь, что он-то на войну не пойдет.

— А я надеюсь, что пойдет! — воскликнула девушка, поворачиваясь к матери с такой бурной экзальтацией, что она испугала бы всякое существо, менее флегматичное, чем кошка.

Ее мать покачалась еще несколько минут, размышляя. Затем сообщила свой вывод:

— По-моему, ты поступила дурно, Эдита Болком.

Девушка ответила, направляясь к двери, из которой перед этим вышла ее мать:

— Я еще никак не поступила — пока.

У себя в комнате она собрала все письма и подарки, полученные от Джирсона, вплоть до увядших лепестков первого цветка, который он преподнес ей, маскируя обычную робость обычной иронией.

В самое сердце пакета она благоговейно вложила свое обручальное кольцо, вновь покоящееся в изящном футляре, в котором он ей его принес. Затем она села — взволнованная, но исполненная решимости, — и написала:

«Джордж! Я поняла, когда ты ушел от меня. Но я считаю, что мы должны быть последовательны в том, что ты имел в виду: если мы — не одно хоть в чем-нибудь, то нам не надо быть одним ни в чем. Поэтому я посылаю тебе на сохранение все это, пока ты не придешь к какому-нибудь решению.

Я буду любить тебя вечно и поэтому не выйду замуж ни за кого другого. Но человек, за которого я выйду замуж, должен любить свою страну превыше всего и иметь право сказать мне:

Любил бы меньше я тебя;

Не будь мне честь дороже.

Для меня нет чести выше Америки. В этот великий час другой чести нет.

Твое сердце объяснит тебе, что значат мои слова. Я не собиралась столько говорить, но почувствовала, что должна сказать все.

Эдита».

Она решила, что письмо написано хорошо — так, что лучше написать нельзя: все подразумевалось и ничего не было сказано прямо.

Она уже собиралась послать письмо вместе с пакетом, который перевязала красно-бело-синей ленточкой, когда ей пришло в голову, что она поступает с ним нечестно, не давая ему законного времени на размышление. Он сказал, что пойдет и подумает, а у нее не хватает терпения ждать. Она подгоняет, угрожает, принуждает. Женщине это не к лицу. Она должна дать ему выбирать свободно, свободно, свободно. Ни ее стране, ни ей самой не нужна вынужденная жертва.

Написав это письмо, она удовлетворила порыв, который его вызвал; теперь она может ждать, пока он не придет к решению. Она отложила в сторону письмо и пакет, чувствуя безмятежное спокойствие от сознания, что она выполнила долг, возложенный на нее ее любовью, и все же проявила терпение, милосердие, справедливость.

Она была вознаграждена. Джирсон не явился к чаю, но она уже раньше решила дать ему срок до утра, а поздно вечером из деревни донеслись звуки флейты и барабана, крики, пение и смех. Шум приближался, он докатился до их ворот; там он затих, и в тишине прозвенел один голос — голос, который был ей так хорошо знаком. Он замер; воздух задрожал от восторженных воплей; снова зазвучали флейта и барабан, раздались крики, пение и смех, но теперь они удалялись; а по аллее кто-то торопливо шел к дому.

Она бросилась навстречу своему возлюбленному и прильнула к нему. Он был очень весел и обнял ее с громким смехом.

— Теперь ты должна звать меня «капитан» или «кэп»; так меня называют ребята. Да, мы собрались в ратуше, и все стали записываться в волонтеры; и меня избрали капитаном, и я иду на войну, на большую войну, на славную войну, на святую войну, predetermined карманным провидением, которое благословляет резню. Пойдем расскажем об этом всему семейству. Пусть они покинут пуховики — папа, мама, тетя Хитти и все прочие!

Но когда они поднялись на террасу, он не стал дожидаться других слушателей; он начал рассказывать свои новости одной Эдите.

— Все произносили речи, а потом какие-то дурни стали вызывать на трибуну меня. Все несли одно и то же, и я подумал, что неплохо бы для разнообразия попрыскать на них холодной водицей. Но это невозможно, когда говоришь с толпой, которая тебя обожает. Не успел я опомниться, как уже прыскал на них адским пламенем. «Режь, бей, души! Спусти с цепи собак войны!» Вот в таком духе. Когда дело дошло до драки, не может быть двух мнений, существует только наша страна, и надо драться так, чтобы кончить побыстрее. Я предложил записываться в волонтеры — тут же на месте — и вписал свое имя первым. Тогда меня выбрали — вот и все. Я бы выпил воды со льдом.

Когда она побежала за водой со льдом и за стаканом, он возбужденно ходил взад и вперед по террасе, и когда она вернулась, он все еще возбужденно ходил по террасе, выкрикивая уже рассказанную ей историю ее отцу и матери, которые вышли, одетые несколько более небрежно, чем обычно одевались днем. Он пил ледяную воду стакан за стаканом, не замечая, кто ему наливает, и говорил без умолку, перемежая слова взрывами хохота.

— Удивительно, — говорил он, — каким убедительным выглядит самый скверный довод, когда стараешься его приукрасить. Ей-богу, сегодня я в этой толпе оказался первым, кто уверовал в войну. Я прежде не думал, что

мне захочется убивать людей, но теперь мне все равно; а порох теперь бездымный, и видно, как падает человек, которого ты убил. Все это — во имя родной страны! Какое счастье, если твоя страна всегда права, а когда и неправа, то все равно права!

Эдиту осенила замечательная, потрясающая мысль — это было вдохновение. Она поставила кувшин на пол, сбегала к себе наверх и взяла письмо, которое написала ему. Когда он, наконец, шумно распрощался с ее родителями: «Ну, покойной ночи. Я и забыл, что разбудил вас, — сам я спать не хочу», — она проводила его по аллее до ворот. Там, после вихря слов, которые, словно отказывались служить ее мыслям, она попыталась придать торжественность этому сумасшедшему моменту и решительно вложила ему в руку письмо.

— Что это? — спросил он. — Бросить в ящик?

— Нет, нет. Это для тебя. Я написала его, когда ты ушел сегодня утром. Храни его... храни его... и когда-нибудь прочти. — Она подумала, и тут ее осенило вдохновение. — Прочти его, если когда-нибудь усомнишься в том, что сделал, или подумаешь, что я сожалею о твоём поступке. Прочти его, когда вы выступите.

Они сжимали друг друга в объятиях, но объятия были бессильными, как и слова, а он целовал ее лицо, жарко и прерывисто дыша, — это было непохоже на него, и ей начинало казаться, что ее прежний возлюбленный исчез, а его место занял незнакомец. Незнакомец говорил:

— Какой ты великолепный цветок — рыжие волосы, синие глаза, которые сейчас стали совсем черными, лицо, с которого лунный свет стер весь румянец! Дай я возьму тебя за подбородок и посмотрю, люблю ли я кровь, слышишь, ты, тигровая лилия!

Затем он рассмеялся джирсоновским смехом и отпустил ее, потрясенную, с закружившейся головой. Несмотря на свое своеобразие, она испугалась, потому что почувствовала в нем скрытую силу, и была мистически покорена так, как никогда раньше.

Она, не останавливаясь, бежала до самого дома и; задыхаясь, поднялась по лестнице. Ее родители обсуждали великое событие. Ее мать говорила:

— Мистер Джирсон был что-то очень уж возбужден. Как тебе кажется? Он как-то странно вел себя, ведь правда?

— Не так уж странно для человека, которого только что выбрали капитаном, да еще после того, как он завербовал целую роту, — рассмеялся ее отец.

— Какие глупости вы говорите, мистер Болком! А вот и Эдита!

Она хотела было войти в дом вместе с дочерью.

— Не надо, мама! — воскликнула Эдита, исчезая.

Миссис Болком задержалась, чтобы упрекнуть мужа:

— Я не понимаю, что здесь смешного?

— Наверное, это заразно. Я заразился от Джирсона. Не думаю, что придется воевать всерьез, да и Джирсон, наверное, того же мнения. Те сразу пойдут на попятный, как только поймут, что мы не шутим. Не стоит из-за этого не спать по ночам. Я лично иду ложиться.

На следующий день Джирсон пришел опять; он был бледен и выглядел нездоровым, но в остальном стал прежним вплоть до своей ленивой иронии.

— Пожалуй, я должен признаться, Эдита, что вчера, посвящая себя твоему богу битв, я совершил слишком много возлияний через собственное горло. Но сегодня уже все в порядке. Нужна же была разрядка.

— Обещай мне, — потребовала она, — что никогда больше не прикоснешься к алкоголю!

— Как! Не позволять луне светить? Не позволять солдату пить? Хорошо, я обещаю.

— Теперь ты не принадлежишь себе; ты не принадлежишь даже мне. Ты принадлежишь своей стране, и твой священный долг — беречь силы и здоровье ради своей страны. Я думала об этом, думала всю ночь и весь день.

— Судя по глазам, ты еще и поплакала немножко, — сказал он с обычной странной улыбкой.

— Это прошло. Я размышляла, и я преклонялась перед тобой. Неужели ты думаешь, я не понимаю, что ты перенес, прежде чем прийти к этому решению? Я мысленно прошла за тобой весь путь шаг за шагом, начиная от прежних твоих теорий и мнений.

— Ну, тебе пришлось немало потрудиться.

— И я знаю, что ты совершил это из высочайших побуждений...

— О да, низким побуждениям нет места, пока эта жестокая война...

— И ты сделал это не просто ради меня. Тогда я перестала бы тебя уважать.

— В таком случае согласимся, что не ради тебя. Человеку, который порастерял самоуважение, страшно нужно уважение всех, кого он успеет схватить за шиворот. Но оставим это. Дело сделано, и нам следует подумать о нашем будущем. Я считаю, что война не затянется; мы напугаем врага до смерти, прежде чем начнутся бои. Но надо предвидеть все случайности, Эдита. Если со мной что-нибудь произойдет...

— О Джордж! — Она, рыдая, прильнула к нему.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя связанной памятью обо мне. Это было бы для меня невыносимо, что бы со мной ни случилось.

— Я твоя навеки — на земле и в небесах, на земле и в небесах, — ей понравились эти слова; они удовлетворяли ее страсть к красивым словам.

— Ну, скажем, в небесах пусть будет так; но земля — другое дело, а я говорю о земных делах. Вот что я хотел еще сказать — о моей матери. Если что-нибудь случится...

Она вздрогнула, и он рассмеялся:

— Где же отважная подруга солдата?

Затем он снова стал серьезным.

— Если что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты помогла ей это перенести. Ей не понравится мое решение. Она внушала мне с детства, что война — глупое и злое дело. Мой отец участвовал в Гражданской войне — с начала и до конца; он потерял на войне руку.

Она трепетала, чувствуя на плечах его руку, — а вдруг он тоже потеряет руку? Он рассмеялся, как будто догадавшись:

— Насколько мне известно, по наследству это не передается.

Затем задумчиво добавил:

— Отец вернулся, ненавидя войну, и это настроение в нем все усиливалось. Мне кажется, они с матерью решили между собой воспитать меня так, чтобы я разделял этот взгляд на войну; но все это было еще до меня. Об отце и о его убеждениях я знаю по рассказам матери; не знаю, всегда ли она так думала, но теперь это и ее убеждения. Мой поступок будет для нее ударом. Мне придется написать ей и объяснить...

Он умолк, и она спросила:

— Хочешь, Джордж, я тоже напишу?

— Пожалуй, не стоит. Нет, все, что надо, я напишу сам. Она, быть может, как-то поймет, если я скажу, что, по-моему, единственный способ хоть немного уменьшить бедствия войны — это приложить все усилия, чтобы выиграть ее как можно скорее; что я чувствую себя обязанным помочь этому, раз ничего не сделал, чтобы помешать войне; когда она началась, я почувствовал, что не имею права оставаться в стороне.

Удовлетворили его эти софизмы или нет — ее они удовлетворили. Она прильнула к его груди, закрыв глаза, и дрожащими губами шептала:

— Да, да, да!

— Но если что-нибудь случится, поезжай к ней и посмотри, не сможешь ли ты ей чем-нибудь помочь. Я ведь рассказывал тебе? Путь неблизкий... Она прикована к своему креслу...

— О, я поеду хоть на край земли! Но ничего не случится, ничего не может случиться! Мне...

Он поднялся, и она почувствовала, что повисла на нем; все еще обнимая ее, Джирсон говорил ее отцу:

— Мы выступаем немедленно, мистер Болком. Части будут формироваться в столице, потом нас всех отправят куда-нибудь в лагерь, чтобы как можно быстрее послать на фронт. Мы, разумеется, все хотим быть в авангарде; ведь мы — первая рота, явившаяся к губернатору. Я зашел рассказать об этом Эдите, но еще не успел.

Она видела его еще раз в столице штата — несколько минут на перроне, перед тем, как тронулся поезд, увозивший его полк на юг. В мундире он

выглядел красивым и по-военному подтянутым, но нежный цвет лица и тонкая талия делали его похожим на девушку. Мужественный взгляд и властный голос удовлетворили ее, а то, что он был занят какими-то своими служебными обязанностями, польстило ей. Другие девушки рыдали, сетовали вслух на свою судьбу, но она чувствовала, что их сдержанное, почти холодное прощание было проникнуто высоким благородством. Только в последнюю минуту он сказал:

— Не забудь о моей матери. Эта война может оказаться не такой уж легкой прогулкой.

И он сам рассмеялся своему предположению.

Когда поезд тронулся, он махал ей, и она узнавала его руку среди десятков рук, махавших с площадки вагона другим девушкам, потому что эта рука сжимала письмо, ее письмо. Затем он вошел в вагон — без сомнения, чтобы прочитать письмо, — и она его больше не видела. Но она не боялась за него, благодаря силе того, что она называла своей любовью. То, что она называла своим Богом, — всегда произнося это слово грудным голосом и с уверенностью во взаимопонимании, — охранит его среди опасностей и приведет к ней. Если с пустым рукавом, — что ж, тогда у него будет три руки вместо двух, потому что ее руки будут принадлежать ему до самой смерти. Впрочем, почему она должна все время думать о руке, которую потерял его отец?

Его письма приходили редко, но зато она находила в них то, что ей было нужно, и она прилагала все силы, чтобы в ее письмах он находил то, что, по ее мнению, было нужно ему, — восхваляла его и служила ему поддержкой. Она не писала его матери, восхваляя их общего героя, но в коротком ответе, который она получила, говорилось только, что миссис Джирсон, чувствуя себя плохо, не может написать сама и благодарит ее за письмо через особу, подписавшуюся: *«Искренне ваша миссис У. Дж. Эндрюс»*.

Эдита решила не обижаться и написать снова, как будто другого ответа она и не ожидала. Однако, прежде чем она сочла удобным написать еще раз, пришло сообщение о первых стычках с неприятелем, и в списке убитых, переданном по телеграфу под заголовком «Наши потери незначительны», было имя Джирсона. Последовали дни, исполненные отчаянья, попытки убедить себя, что это, может быть, что это, должно быть, какой-нибудь другой Джирсон; но и фамилия, и рота, и полк, и штат были указаны слишком точно.

Потом — провал в бездну, из которой, казалось, она никогда больше не восстанет; потом взлет в облака, где уже не было горя, в черные тучи, которые закрыли солнце, но там она парила с ним, с Джорджем... с Джорджем! Она, как и ожидала, заболела, но не умерла, у нее даже не было бреда, и она скоро выздоровела. Когда она настолько оправилась, что поднялась с постели, она думала только о матери Джорджа, о его странно

высказанном желании, чтобы она поехала к ней и посмотрела, не сможет ли чем-нибудь ей помочь. Святой восторг при мысли о возложенном на нее долге — эта мысль не угнетала ее, но, наоборот, придавала ей силы, — помог ей скорее поправиться.

В долгом путешествии по железной дороге из северной части штата Нью-Йорк в западную Айову ее сопровождал отец; у него были какие-то дела в Давенпорте; и он сказал, что может с тем же успехом заняться ими теперь; и он приехал с ней в маленький городок, где мать Джорджа жила в маленьком домике у конца необозримых пшеничных полей, под деревьями, оттесненными к самому краю холмистой прерии. Отец Джорджа, как и многие другие ветераны, поселился здесь после окончания Гражданской войны; он с семьей переехал сюда из восточных штатов, и Эдите казалось, что об этом свидетельствуют куст шиповника у крыльца и сад с ранними цветами, которые виднелись за калиткой дощатого забора.

В доме было очень тихо; закрытые ставни почти не пропускали света, и они с трудом различали друг друга: Эдита, высокая, в черном креповом платье; ее отец, благопристойно отошедший в сторону, держа шляпу в руке, как на похоронах; полулежащая в глубоком кресле женщина; и за креслом — другая женщина, впустившая в дом этих чужих людей.

Сидящая женщина повернула голову и снизу вверх поглядела на женщину позади своего кресла:

— Как вы сказали? Кто это?

Эдита, если бы она сделала то, чего ждала от себя, бросилась бы на колени к ногам сидящей старухи и ответила бы: «Я — Эдита нашего Джорджа!»

Но вместо своего голоса она услышала голос второй женщины:

— Я как следует не расслышала, какая фамилия. Надо бы впустить сюда побольше света.

После чего женщина подошла к окну и открыла ставни.

Тут отец Эдиты сказал голосом, которым на заседаниях «разрешал себе высказать некоторые замечания»:

— Моя фамилия — Болком, сударыня. Я — Джуниус Г. Болком из Болком Уоркс, штат Нью-Йорк; моя дочь...

— А! — перебила сидящая женщина глубоким, сильным голосом, голосом, который всегда удивлял Эдиту в хрупком, худощавом Джордже. — Дайте мне поглядеть на вас. Станьте так, чтобы на вас падал свет.

Эдита безмолвно повиновалась.

— Так, значит, вы Эдита Болком, — вздохнула женщина.

— Да, — сказала Эдита виноватым тоном, который совсем не вязался с ролью утешительницы.

— Зачем вы приехали? — спросила миссис Джирсон.

Лицо Эдиты сморщилось, колени задрожали.

— Я приехала... потому что... потому что... Джордж...

Она ничего больше не смогла сказать.

— Да, — сказала мать, — он писал мне, что просил вас приехать, если его убьют. Наверное, посылая его туда, вы этого не ожидали.

— Я его не посылала. Я скорее умерла бы, чем послала его, — ответила Эдита, и в ее грудном голосе было больше искренности, чем ей обычно удавалось в него вложить. — Я старалась дать ему свободу выбора...

— Да, ваше письмо, которое пришло с остальными его вещами, давало ему свободу выбора.

Эдита поняла теперь, от кого Джордж унаследовал свою иронию.

— Я просила его прочесть только... только после... если... я ему говорила... — запинаясь, пробормотала она.

— Разумеется, он не стал бы читать вашего письма, если бы не думал, что вы этого хотите. Болели? — резко спросила старуха.

— Очень тяжело, — ответила Эдита, испытывая жалость к себе.

— Был момент, — вмешался ее отец, — когда казалось, что дни моей дочери сочтены.

Миссис Джирсон не обратила на него внимания.

— Я полагаю, что вы умерли бы с радостью, — вы ведь такая храбрая! Но не думаю, что он умирал с радостью. Он всегда был робким мальчиком. У него такой храбрости не было; он многого боялся. Но даже когда боялся, он делал то, что решил сделать. Я знаю, что он решил идти воевать; но, зная, чего это стоило мне, когда я услышала о его решении, я знаю, чего это стоило ему. На своем веку я пережила одну войну. Когда вы посылали его туда, вы не ожидали, что его убьют.

Голос, казалось, утешал Эдиту, и это было очень кстати.

— Да, — хрипло пробормотала она.

— Да, девушки этого не ожидают, женщины этого не ожидают, когда они отдают своих мужчин своей стране. Они думают, что те непременно вернуться, все так же весело маршируя; а если он вдруг вернется с пустым рукавом или даже с пустой штаниной — что же, тем больше славы, тем больше она им гордится, бедняжка!

По лицу Эдиты покатались слезы; до сих пор она не плакала, но найти понимание и сочувствие было так приятно, что теперь она заплакала.

— Да, вы не ожидали, что его убьют, — повторила миссис Джирсон голосом, снова удивительно похожим на голос Джорджа. — Вы ожидали только, что он сам кого-нибудь убьет, кого-нибудь из этих иностранцев, которые оказались там не по доброй воле, а потому, что у них нет выбора, — их мобилизуют, или как там это называется. Вы считали справедливым, чтобы мой Джордж — ваш Джордж — убивал сыновей тех несчастных матерей, мужей тех женщин, которых вам никогда не придется увидеть. — Глубокий голос старухи загремел, как псалом. — Я благодарю Бога, что он

не дожил до этого! Я благодарю Бога, что они убили его раньше, и он не остался жить с руками, обгавленными их кровью!

Она опустила глаза, которые подняла к небу, произнося эти слова, и обратила исступленный взгляд на Эдиту:

— Зачем на тебе траур?

Она приподнялась в кресле так, что ее беспомощное тело всей тяжестью повисло на сильных руках:

— Сними его, сними, пока я не сорвала его с тебя!

Дама, проводившая лето по соседству с Болком Уоркс, писала портрет Эдиты, красота которой была настоящей находкой для художника-колориста. Между ними установился тот тон дружеской откровенности, который часто возникает между художником и его моделью, и Эдита рассказала ей все.

— Подумать только, что в вашей жизни была такая ужасная трагедия! — воскликнула художница и затем добавила: — Приходится верить, что есть люди, которые так относятся к войне. Но если вспомнить, сколько благ принесла эта война — какую пользу она принесла нашей стране! Я лично таких людей не понимаю. И все это после того, как вы отправились в такой далекий путь, чтобы утешить ее — несмотря на свою болезнь! Это уж слишком!

— Я думаю, — великодушно сказала Эдита, — что она была не совсем в своем уме, папа тоже так думает.

— Возможно, — сказала дама, поглядев на губы Эдиты в подлиннике, а потом на ее губы в художественной копии, и трогая их на холсте легким мазком, — но ее поведение было отвратительным! Таким, извините меня, таким вульгарным!

Яркий луч ворвался в тяжелый, беспросветный мрак, который Эдита ощущала столько месяцев. В этом слове была разгадка тайны, которая тяготила ее. И с этой минуты она перестала мучиться стыдом и жалостью к себе и снова начала жить идеалами.

Марк Твен

ВОЕННАЯ МОЛИТВА

То было время величайшего волнения и подъема. Вся страна рвалась в бой — шла война, в груди всех и каждого горел священный огонь патриотизма; гремели барабаны, играли оркестры, палили игрушечные пистолеты, пучки ракет со свистом и треском взлетали в воздух; куда ни глянь — вдоль теряющихся вдали крыш и балконов сверкала на солнце зыбкая чаща флагов; каждый день юные добровольцы, веселые и такие красивые в своих новых мундирах, маршировали по широкому проспекту, а их отцы, матери, сестры и невесты срывающимися от счастья голосами приветствовали их на пути; каждый вечер густые толпы народа затаив дыхание внимали какому-нибудь патриоту — оратору, чья речь задевала самые сокровенные струны их души, и то и дело прерывали ее бурей аплодисментов, в то время как слезы текли у них по щекам; в церквах священники убеждали народ верой и правдой служить отечеству и так пылко и красноречиво молили бога войны ниспослать нам помощь в правом деле, что среди слушателей не нашлось бы ни одного, который не был бы растроган до слез. Это было поистине славное, удивительное время, и те немногие опрометчивые люди, которые отваживались неодобрительно отозваться о войне и усомниться в ее справедливости, тотчас получали столь суровую и гневную отповедь, что ради собственной безопасности почитали за благо убраться с глаз долой и помалкивать.

Настало воскресенье — на следующий день войска выступали на фронт; церковь с утра была набита до отказа, здесь же находились и добровольцы, чьи юные лица горели в предвкушении ратных подвигов; мысленно они уже были там — вот они наступают, упорно, все быстрее и решительнее, стремительный натиск, блеск сабель, враг бежит, паника, пороховой дым, яростное преследование, капитуляция! — и вот они снова дома: вернулись с войны закаленные в боях герои, долгожданные и обожаемые, в золотом сиянии победы! С добровольцами сидели рядом их близкие, гордые и счастливые, вызывая зависть друзей и соседей, не имевших братьев и сыновей, которых они могли бы послать на поле брани добыть отчизне победу или же пасть смертью храбрых. Служба шла своим чередом: священник прочел военную главу из Ветхого завета, потом первую молитву; загудел орган, сотрясая здание; молящиеся поднялись в едином порыве, с бьющимся сердцем и блестящими глазами, и в церкви зазвучал могучий призыв:

Господи, грозно на землю взирающий,
Молнии, громы послушны Тебе!

Затем последовала «долгая» молитва. Никто не мог бы припомнить ничего равного ей по страстности и проникновенности чувства и по красоте изложения. Просили в ней больше всего о том, чтобы всеблагой и милосердный Отец наш оберегал наших доблестных молодых воинов, был бы им помощью, опорой и поддержкой в их подвигах во имя отчизны; чтобы Он благословлял их и охранял в день битвы и в час опасности, держал их в своей деснице, дал им силу и уверенность и сделал непобедимыми в кровавых схватках; чтобы помог Он им сокрушить врага, даровал им, их оружию и стране вечный почет и славу...

В эту минуту в церковь вошел какой-то пожилой незнакомец и неторопливо, бесшумной поступью направился по главному проходу к алтарю. Глаза его были устремлены на священника, высокую фигуру облекала одежда, доходившая до пят, и седые волосы пышною гривой падали на плечи, обрамляя изборожденное морщинами лицо, неестественно, даже мертвенно — бледное. Все с недоумением смотрели на него, а он, молча пройдя между скамей, поднялся на кафедру и выжидаяще стал рядом со священником. Смежив веки и не догадываясь о присутствии незнакомца, священник продолжал читать свою волнующую молитву и закончил ее страстным призывом: «Благослови наше воинство, даруй нам победу, Господи Боже наш, отец и защитник земли нашей и оружия!»

Незнакомец дотронулся до его плеча, жестом приказал ему отойти, — что изумленный священник не замедлил исполнить, — и занял его место. Несколько мгновений он сурово оглядывал потрясенных слушателей, и глаза его горели призрачным огнем, потом низким, глухим голосом начал:

— Я — посланец престола, несущий вам слово Господне!

Прихожане стояли как громом пораженные; незнакомец если и заметил их испуг, то не обратил на него ни малейшего внимания.

— Всевышний услышал молитву своего слуги, вашего пастыря, и готов ее исполнить, если таково будет ваше желание после того, как я, Его посланец, разъясню вам ее смысл, точнее — полный ее смысл. Ибо, как и во многих других людских молитвах, вы, сами того не подозревая, просите о неизмеримо большем, чем вам кажется, когда вы молитесь, — если, конечно, вы заранее все не обдумали.

Слуга Божий и ваш прочел молитву. Подумал ли он, прежде чем прочитать ее? И одна ли это молитва? Нет, их две: одна — которую он произнес вслух, и другая — которой не произнес. И обе достигли ушей Того, кто слышит все просьбы — высказанные и невысказанные. Поразмыслите над этим — и запомните. Если станете просить благословения своим делам и поступкам, будьте осторожны, ибо в эту минуту вы непреднамеренно можете навлечь проклятие на своего соседа. Если вы молитесь о ниспослании дождя, ибо он нужен полям вашим, — тем самым вы, быть может, молитесь о бедствии для

соседа, чья земля не нуждается во влаге и дождь только испортит ему урожай.

Вы слышали молитвы вашего слуги — ту ее часть, которую он произнес вслух. Господь послал меня к вам, чтобы я облек в слова другую ее часть то, о чем пастор и все вы в глубине сердца молча молили его. Не разумея и не думая о чем молитесь? Дай Бог, чтобы это было так. Вы слышали, слова: «Даруй нам победу, Господи Боже наш!» Этого достаточно. Вся молитва, которую вы произносили здесь вслух, заключена в этих многозначительных словах. Уточнения излишни. Моля о победе, вы молили и о многих не упомянутых вами следствиях, которые сопутствуют победе, должны ей сопутствовать, не могут не сопутствовать. И вот до слуха Отца нашего небесного дошла и невысказанная часть молитвы. Он повелел мне облечь ее в слова. Внемлите же!

Господи Боже наш, наши юные патриоты, кумиры сердец наших, идут в бой — пребудь с ними! В мыслях мы вместе с ними покидаем покой и тепло дорогих нам очагов и идем громить недругов. Господи Боже наш, помоги нам разнести их солдат снарядами в кровавые клочья; помоги нам усеять их цветущие поля бездыханными трупами их патриотов; помоги нам заглушить грохот орудий криками их раненых, корчащихся от боли; помоги нам ураганом огня сровнять с землей их скромные жилища; помоги нам истерзать безутешным горем сердца их невинных вдов; помоги нам лишить их друзей и крова, чтобы бродили они вместе с малыми детьми по бесплодным равнинам своей опустошенной страны, в лохмотьях, мучимые жаждой и голодом, летом — палимые солнцем, зимой дрожащие от ледяного ветра, вконец отчаявшиеся, тщетно умоляющие Тебя разверзнуть перед ними двери могилы, чтобы они могли обрести покой; ради нас, кто поклоняется Тебе, о Господи, развеи в прах их надежды, сгуби их жизнь, продли их горестные скитания, утяжели их шаг, окропи их путь слезами, обагри белый снег кровью их израненных ног! С любовью и верой мы молим об этом Того, кто есть источник любви, верный друг и прибежище для всех страждущих, ищущих его помощи со смиренным сердцем и покаянной душой. Аминь.

(Помолчав немного.) Вы молились об этом; если вы все еще желаете этого — скажите! Посланец Всевышнего ждет.

Впоследствии многие утверждали, что это был сумасшедший, ибо речь его была лишена всякого смысла.

Франсуа Коппэ

ПРОЩЕНИЕ

(«Le Pater»)

Драма в одном действии, в стихах.

Действующие лица:

Роза (сестра священника, старая девушка).

Отец благочинный (кюрэ).

Жак Леру (член коммуны).

Офицер (версальских войск).

Няня (старая служанка Розы).

Соседка (молодая мещанка).

Солдаты.

Действие в Бельвиле, близ Парижа, в мае 1871 года.

(Комната в нижнем этаже, с дверями и окнами в глубине сцены, отворенными в сад, освещенный солнцем, полный цветущими розами. За садом, огражденным низкою стеной, отворенная калитка, видев переулочек предместья; вдали высокие трубы заводов. Меблировка комнаты простая, почти крестьянская: простой шкаф, круглый стол и несколько плетеных стульев и кресел. Налево над камином статуэтка Мадонны из расписанного гипса; направо письменный стол и полки с книгами. На стенах большое распятие слоновой кости и картины духовного содержания. Двери направо и налево).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Няня и соседка.

(При поднятии занавеса **няня**, старая женщина в крестьянском костюме, сидит на стуле, повидимому, убитая горем; **соседка** — молодая мещаночка парижского предместья. простоволосая, с корзинкой в руках, стоит с нею рядом).

Соседка.

Так это достоверно, няня? Расстреляли
Разбойники его?

(Няня утвердительно кивает головой).

Да верно ли?

Няня

Ну, да...

Ведь говорю же я... Третьего дня, когда

Еще босовики кварталом заправляли...

Тут, близко, за углом...

И бедный наш аббат

Высоко, этак, поднял руку, говорят, —

Благословить хотел злодеев, умирая;

А после — зашатался и, как сноп, упал...

Убит он, наш родной, убит, я верно знаю.

Нам с барышней сосед один все рассказал;

Сам видел, — сам...

А мы-то?.. Вовсе не боялись,

Когда его в заложники забрали вдруг...

Он всеми был любим, он был всем нищим — друг...

«Вернется» — думали!.. Мы с ним и не прощались...

И вот... Он — милосердный, кроткий, он — святой,

Он — благодетель их... Мерзавцы!..

(Издали слышнень ружейный залп).

Соседка (вздрагивая)

Боже мой!..

Няня (вставая, злорадно).

Ага! Расправа наших!.. Любо! Так и надо,

Ребятунки-версальцы! Всех, скорей, гуртом

Душите, бейте их, каналий, без пощады!

Отмстите им за нас!.. Все, все им по делу!

Соседка.

Ох, няня, милая... Положим, что вы правы,

Мерзавцы все они, пропащий все народ...

Да все-таки их жаль. Ведь нынче кровь-то льет

Ручьями... Просто — бойня! Полные канавы

В двадцатом округе вчера всю ночь текли...

И многие из них — невинные легли...

Няня.

Невинные? — Да кто ж невинней был аббата
Морея — бедного? И вот убили же его!...
Он всех людей любил, он всякого за брата
Считал, и не жалел для бедных ничего;
Он «пастырь добрый» был, — каких на свете мало;
Бессребренник, — не нажил в жизни ни гроша —
Все раздавал, — святая Божие душа!
И вдруг его убить?.. Я женщина простая,
Я из деревни... Ну, и я не понимаю,
Что в городе у вас творится тут теперь?
Здесь каторжный народ, — здесь не народ, а зверь...
Из-за какой-то там «коммуны» — из-за слова
Пустого, глупого — друг друга съесть готовы
Как тигры лютые; на части рвут людей,
Берут заложников, — не плоше дикарей —
Или разбойников — воров с большой дороги!
Убили наконец того, кто их спасал,
Кто им последнюю рубашку отдавал!..
Жалеть их?.. Нет, соседка, — как ни будут строги
Им наказания, — а мне всю эту шваль,
Ораву кровопийц безжалостных, не жаль!

Соседка.

Пожалуй, что и так... Разбойники — конечно!..
Ах, бедненький аббат... Бывало, он, сердечный,
В дни безработицы, зимой, идет в обход
По чердакам, подвалам; всем-то подает,
Для всех есть у него и мелкие монеты,
И утешения, и ласки, и советы...
Расстрелян... Это ужас!.. Умер. Нет его...
А барышня-то как же?.. Ей-то каково?..
Скажите: что с ней? Я давно спросить хотела?

Няня.

Соседка, этакое горе рассказать
Никак нельзя словами; надо увидеть...
Она сначала смолкла, словно онемела;
И я подумала: она с ума сойдет, —

Такое это было страшное молчанье;
А после разразились слезы, и рыдания,
И вопль, и крик, проклятья на народ
Безжалостный и злой, на город кровожадный;
Потом она затихла в грусти безотрадной
И все шептала: «Подлость! Низость!..» Страх берет,
Как взглянешь на нее. А ночь всю напролет
Глаз не сомкнула; так на кресле до рассвета
И просидела... Только-что уснула. Спит теперь.
Устала, истерзалась. Сон ужасный это...
Зубами, слышно, все скрежещет, словно зверь...
Должно быть и во сне ей нет успокоенья, —
Страдает и во сне... Ох, жду я пробужденья...

Соседка.

Бедняжка барышня!..

Няня.

Пятнадцать слишком лет,
Как я у них; живем мы с нею как родные;
Ее родителей давно на свете нет, —
Они мещане были, так себе, простые;
Аббат в двенадцать лет остался сиротой,
А Розе шел тогда всего годок двадцатый;
Но уж в ее душе, любовь богатою,
Давно проснулись чувства матери родной
Для брата младшего... Я помню, как бывало
Она его, сиротку, в школу снаряжала;
Как он бежал домой, к сестренке, весел — рад,
И приносил охапку целую наград
Всегда!.. А ласковый какой, послушный, милый!..
Не даром барышня, гордясь им, говорила:
«Совсем особенный ребенок он у нас!»
И в семинарии он шел из класса в класс,
Всегда с наградами, все первым...
Выходила
Для барышни судьба: жених был, богатей
Из деревенских, фермер. Как ухаживал за ней!
Нет, — не пошла, сказала: «Жить для брата
Я буду. Нужно, чтобы в доме у аббата
Была хозяйка.» Так и прожила
В девицах... Жизнь, пойми ты, жизнь всю отдала.

И он ее любил. Такой любви святой
На свете поискать — и не найдешь другой!..
Вот — разлучили... Умер смертью напрасной.
А все усобица, кровавый грех, ужасный, —
Она, одна она, несчастьем всех виной...
Свои своих же бьют, на брата брат войной...

(Задумывается).

Когда его сюда назначили викарным —
В квартал босовиков, к скотам неблагодарным, —
Я словно чуяла беду, — я за него
Боялась... Барышня тут мне сказала строго: —
«Тем лучше. Добрых дел он может сделать много
В таком приходе, няня; это ничего,
Что темный там народ!..»

Тогда она не знала,
Что брата бедного на смерть благословляла.

(Рыдает).

Ох, Матерь Пресвятая!.. Грех-то, грех какой...
Что будет с ней теперь?.. Иисусе, Спасе мой!..

Соседка.

Да, няня... Эта смерть — несчастье большое
Для всех нас...

Роза *(из своей комнаты слабым голосом).*

Няня!.

Няня.

Слышишь... слышишь?..

Соседка.

Что такое?..

Няня *(торопливо уходя).*

Никак она зовет?.. Соседка, ты ступай,
Голубушка, домой... Прости... Она проснулась...
Еще сюда войдет, пожалуй, невзначай,
Заговорит о нем... Боюсь, чтоб не рехнулась
Она у нас совсем...

Соседка.

Прощайте, я зайду!..

(Уходит).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Роза выходит из комнаты налево, еле держась на ногах. Няня ее поддерживает).

Няня.

Получше ль вам?..

Роза.

Мне?.. Получше?.. Отчего же?..

Ах, да!.. Ведь я спала... Мерещилась в бреду

Опять стена... И ружья... Все одно и то же...

И кровь... Повсюду кровь...

И это сном зовут?

Как горло пересохло! Давит что-то тут...

Я пить хочу...

(Садится. Няня подает ей стакан воды; она жадно пьет).

Как тихо!.. Пушки замолчали...

А мне все чудилось... Уж не дерутся?..

Няня.

Нет, —

Последних. говорят, у кладбища забрали...

Победа полная.

Роза (уныло).

И после всех побед

Все успокоится... Дом, как всегда — в порядке.

Хорошая погода. На небе светло.

Май, как июнь, цветет — так ясно, так тепло;

Прелестен сад. Благоухают грядки

Под свежую росой... Я слышу запах роз...

Какое дело им, вещам, до наших слез?!..

Да, все попрежнему... Несносными лучами

Сияет то же солнце в синей пустоте;

Кругом торчат цветы в бездушной красоте;

Бессмысленные птицы вьются над кустами

И песни скучные трещат на старый лад...

Им — горя мало, глупым, что убит мой брат!..

(Рыдает).

Мой брат!.. Его лишь нет... Мой добрый, чудный, милый!..

(Старается успокоиться; вытирает глаза. Обращаясь к няне).
Никто не приходил?

Няня.

Соседка заходила,
Вдова...

Роза.

Да, знаю... Там, направо, старый дом.
Брат навещал их... Помнишь, хлопотал о том,
Чтоб деда в богадельню приняли скорее?..

Няня *(перебивая).*

Был утром батюшка. Хотел вас повидать.

Роза *(быстро).*

Не надо!.. Не хочу... Его — не принимать!

Няня.

Как можно, барышня? Старик пришел, жалея...
Кому же в этом горе вас и утешать,
Как не ему? Ведь он, отец наш благочинный,
Был бедному аббату первый друг, — старинный,
Ценил его, любил... Он успокоит вас...

Роза.

Чтож? Он придет еще?..

Няня.

Сказал: зайду сейчас.

Роза.

Ну, пусть придет. Пред ним была я виновата.
Да, это правда, что любил он брата...
Но если проповедь он мне начнет читать
О всепокорности?.. Не в силах я смолчать,
Пусть не прогневается... я на все способна...
Пожалуй. дерзостью отвечу я ему...
Да нет! Священнику неловко самому
Тут проповедывать... Со мною — неудобно
Теперь о Милосердном Боге говорить,
О том, Кто это зло дозволил совершить...

(Няне). Ступай, пожалуйста... Оставь меня в покое.
(Няня уходит).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Роза (одна).

Чтож дальше-то еще?.. Неужто надо жить?
Вот, ведь, жива!.. И долго-долго надо мною
Здесь старые часы тихонько будут бить
Минуты дней, ночей... От этого страданья
Не умирают вдруг... Еще я не стара
И долго не придет желанная пора,
Когда пробьет час смерти, — пытки окончанья...
Ждать надо... Ждать, быть-может, двадцать лет...
А боль несносная, которой меры нет,
Все будет разрастаться, сердцу на мученье,
Как ядовитое, ужасное растение,
И будет душу мне на части разрывать
Ветвями страшными...
Зачем не добивать
Таких калек, как я, — истерзанных, несчастных,
Как бьют по деревням негодный старый скот?..
Зачем мне жить еще в терзаниях напрасных,
Когда мой брат убит?..

(Молчание).

Неужтож не придет
Хотя один из них — злодеев кровожадных —
Разбойников, — ко мне, его сестре, — сюда?..
О, как бы он в руках холодных. беспощадных
Затрепетал и бился!.. Как бы я тогда
Нож повернула в сердце подлом и топтала
Ногами труп его, и на него плевала!..
Их победили... Бьют... Закон к ним очень строг...
Да всех ли их?.. Уйдут они от наказания...
Им будут помогать... Спасут, из состраданья
Убежище дадут... Допустит это Бог?..
К ним?.. Состраданье?..
Нет, теперь уж я другая, —

Я — тоже из народа: хищная и злая!
Нет у меня в душе любви и всепрощенья,
Нет христианских чувств, нет к ближним сожаленья!..
Я отравилась слезами. Это яд
Мучительный, — но он мне дал сознание.
Все стало ясно мне. Пускай не говорят
Для утешения в печали, в назиданье
Со мной о Боге. Знаю: если Он и есть —
Ваш Бог, — то Он злодей, коварный и ужасный
Или — ничтожный трус, беспомощный, безвластный...
Он — мне велит прощать?.. Он — запрещает месть —
А Самъ — невинность, правду губит ежечасно,
И заодно со злом, с нечистым заодно —
Идет на праведных?!..
Я верила когда-то.
Не верю больше я... Зачем убили брата!..
Пускай приходит поп!.. Теперь мне все равно...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(В то время, как она произносит эти слова, в комнату входит **отец благочинный**, седой старик. Он останавливается в дверях комнаты).

Отец благочинный.

Дитя мое!..

Роза (прерывающимся голосом).

Ах, батюшка!.. Мое почтение!..
Я благодарна вам за ваше посещение...
Но извините... Право, я больна...
Я так измучена и ожесточена...
В таком отчаяньи... Пожалуйста, простите...
Вы лучше в другой раз со мной поговорите,
А не сейчас... Мне легче, если я одна...
Как я невежлива!.. Я к вам зайду, — я знаю,
Что вы его любили... Но я в бред впадаю,
Когда заговорят об этом... Дайте мне
Наплакаться в углу моем, наедине...

Отец благочинный.

Не стану утруждать... Уйду, — коли мешаю...
Но брат ваш мучеником умер; я желаю
Напомнить вам сейчас о главном — в двух словах:
Утешься, женщина! Твой брат — на небесах!

Роза.

Ах, он на небесах!.. Ну, вот, я так и знала!
Я этих слов пустых и пошлых ожидала...
На небесах — мой брат?.. Пусть так!.. Но он и там,
На дне вонючей ямы, где они зарыты,
Лежит — кровавый, бледный, ранами покрытый,
Обезображенный!.. Земным моим глазам
Отсюда не видать селений светлых рая,
Где он, по-вашему ликуя и сияя,
Живет... А смерть и труп, и кровь из страшных ран —
Вот это — истина, вот это не обман...
И те, кто этот труп несчастный забросали
Каменьями и грязью, знайте, закопали
С ним вместе мою веру в ваши небеса...
В Содоме и Гоморре — были чудеса,
А нынче — мы чудес, должно быть, недостойны:
Когда убили брата — солнце преспокойно,
Превесело сияло в небесах благих...
Вот — ваши небеса!.. Взгляните же на них:
Они — вон и сейчас смеются, голубые,
А город весь в огне, его родной рукой
Свои же люди жгут, и льется кровь рекой
По мостовым его... Теперь в дела земные
Давно бы, кажется, вмешаться им пора,
Благим-то вашим!.. Я, — священника сестра,
Я ненавижу их, и презираю, — знайте,
И не боюсь их гнева!..
Вот вам!.. Проклинайте!

Отец благочинный.

Не проклинать тебя, а плакать над тобой
Я буду, дочь моя... Твои богохуленья
Господь простит тебе; и я без удивленья
Услышал их... Но радость и покой
Того, кто отошел от нас в жилище Света,
Нарушить может скорбь отчаянная эта;

В селеньях праведных, блаженством окружен,
Из-за сестры своей еще страдает он!

Роза (рыдая).

Ах, батюшка, простите... но я так несчастна...
Чтò говорю — не помню... Горе так ужасно
Меня пришибло... Верю, знаю; он — в раю...
Но я-то как же, я?.. Войдите в жизнь мою...
Зачем теперь мне жить? Я умереть бы рада
Сейчас!.. Ну, что же делать, покориться надо!
Я покорюсь... Но вы не можете понять,
Как беспредельно, страстно брата я любила.
Когда он был ребенком, я его, как мать
Родная, холила лелеяла, вырастила...
Он стал священником; его духовный сан
К моей любви еще прибавил уваженье...
Ведь он был праведник. живое воплощенье
Всех чувств святых, всех правил высших христиан;
И я душе великой этой на служенье
Себя, всю жизнь свою навеки обрекла
И брату дочерью покорною была...
Он о мирском не знал, и как ребенок малый
Во мне нуждался; я его оберегала
От всех забот и дразг...
И плачу я по нем
Теперь, как по отце святом. высокочтимом
И как по милом сыне... маленьком... любимом...
Поймите, батюшка, я дважды сирота...
И что за жизнь была с ним прожита
Здесь, в мирном уголке, в тиши уединенья!
Как было нам тепло!.. Какое наслажденье!..
Бывало, он любил читать тут вечером
В свободные часы... А я, с моим шитьем,
Сидела рядом, тут же... Говорили мало...
Я и без слов его все мысли понимала...
Не разлучались мы; не проходило дня,
Чтоб он своей любовью не согрел меня;
Душа моя его повсюду провожала
И мысль о нем, мне кажется, жила
И в петельках чулок, что я ему вязала
В его отсутствие!.. И эта жизнь прошла...
Все похоронено...

Нет!.. Памятью былого,
Святым воспоминаньем брата дорогого
Могу еще я жить!.. Пусть мне не говорят
Слов утешенья!.. Я рада, милый брат,
Что за бывшее счастье, за очарованье
Невозвратимых дней, с тобою прожитых,
Я расплачусь теперь с тобой ценой страданья,
Тоски мучительной и горьких слез моих!..
Я рада, что твоею смертью умираю,
Что жизнь моя уйдет. слезами вытекая,
Что лишь с последним вздохом, в мой последний час
Заплачу по тебе, мой брат, в последний раз!..

Отец благочинный.

Плачь, бедная моя! Живительной росой
Да будут слезы эти для души больной,
Да облегчат они тебя в борьбе с судьбою
И воскресят твой светлый дух к любви живой,
Как воскрешает дождь обильный и прохладный
Цветы, увядшие в пустыне безотрадной!
Плачь, говори о нем... И как ни велика,
Как ни мучительна теперь твоя тоска,
Она затихнет, смолкнет; все твои страданья
Пройдут; лишь не утрать святого упованья,
Что жив любимый брат, хотя и разлучен
С тобой на время; верь, что видит, слышит он,
Как ты терзаешься, в каком ты исступленьи;
Не оскорбляй его: твои богохуленья
Его тревожат там...
Не поп, не духовник
С тобою говорит сегодня, а старик
Простой и любящий... Я чувствую, я знаю,
Что с нами здесь, сейчас, его душа живая;
Ее я голос слышу: «Бедная сестра,
Не мучайся, я жив, и я благословляю
Тебя на жизнь! Крепись. — пришла пора
По-христиански крест нести, любя, с терпеньем!
Я помогу тебе. Читай с благоговеньем
Святую книгу нашу. В ней ты голос мой
Опять услышишь чуткой любящей душой;
Склоняйся каждый день перед святым распятым
В молитве пламенной, и буду я с тобой

Молиться рядом. К нищим нашим братьям
Ступай скорей, там ждут, там новая семья,
Там сироты мои; их завещаю я
Твоей любви! И знай, когда ты подаянье
И ласку, и привет снесешь им, беднякам.
В жилища темные, я, брат твой, буду там!
Живи! Я жду тебя на небе! До свиданья!..»

Роза *(слушавшая его в глубоком раздумьи)*.
Что если это правда?.. Если б верно знать,
Что видит, слышит все мой бедный брат любимый.
Я стала бы бороться с болью нестерпимой,
Я постаралась бы его не огорчать...

(Уныло).

Наверно знать нельзя!.. Зачем я жить осталась?..
Зачем не умерла?!..

(Издали слышны ружейные залпы).

Отец благочинный *(про себя)*.

О, Господи!..
Опять Расстреливают их...

Роза *(вскакивая)*.

Пальба?.. Мне показалось:
Пальба, там вдалеке?..

(Радостно).

Ты слышишь, слышишь, брат,
Злодеям наконец за смерть твою отмстят!

Отец благочинный *(взволнованный)*.

Ужасно это все!.. И может-быть невинный...
Как знать?..

Роза *(перебивая злорадно)*.

Ах, кажется, отец наш благочинный
Еще жалеть их вздумал, этих палачей,
Убийц отъявленных?.. А я их не жалею!
И не хочу жалеть разбойников, зверей!..
Считите, сколько бед наделали злодеи,
И сколько жертв... А впрочем, пусть они творят

Что им угодно! Мне до этого нет дела.
Я знаю лишь одно: что был убит мой брат...
Мой брат, поймите вы, мой брат!..
Я бы хотела,
Чтобы их всех за это, всех, до одного,
Скорей без всякого разбору расстреляли
При мне!.. И я не пожалею никого!
Я рада залпам этим!.. Если бы позвали
Меня туда сейчас солдатам помогать
На самом месте казни, ружья заряжать,
Я счастлива была бы... Я итти готова...

Отец благочинный.

И это — женщина!.. Жестоко ваше слово!

Роза.

Вам их прощать легко! Вам, видно, ничего,
Что эти подлецы, и жены их, и дети,
Все были живы лишь заботами его;
Он их кормил, поил, всю жизнь он всем на свете
Им жертвовал; их навещал, лечил больных,
Не досыпал ночей у логовищей их;
И вот теперь они ж, — за все благодеянья, —
Передались коммуне; первыми идут
На все ее злодеянья: рубят, режут, жгут...
Как их любил мой брат!.. Нет, я без содроганья
Об этих извергах подумать не могу...
Он отдавал им, мерзким, право, я не лгу,
Последний грош, и вещи, — все, — какие были;
Все, — каждый Божий день, — и платье, и белье,
И хлеб он им носил, — последнее свое...
И вот они... да, да, они! — его схватили
И, как паршивую собаку, пристрелили!..
Могу ли я простить, жалеть такой народ?..
Смотрите, батюшка. — я покажу вам...
(Достает из шкафа старую рясу и шляпу).

Вот, —
Я берегу на память эту рясу брата,
И шляпу старую... Все дыры и заплаты.
Как видите, отрёпки... Ну, я как-то раз
Сказала брату: «Милый, право, просто стыдно
Смотреть, как ты одет. Ведь деньги есть у нас;

Я платье новое тебе куплю; обидно,
Что ты, как нищий, ходишь!»
Он сказал в ответ: —
«Вот — кстати!.. У Дювалей — бедных гроша нет;
Семья — пять душ; на-днях родит шестого;
И описали их за долг — из-за пустого, —
Ты знаешь?.. Так уж лучше деньги им отдать.
А нам — священникам — позорно щеголять,
Когда есть нищие... заштопать рясу надо...
А шляпа — хоть куда!.. — промолвил он шутя: —
Меня переживет!..
Четыре дня спустя
Он, — этот праведник, — расстрелян!..
Вот награда
Тому, кто жертвовал собою для людей,
Кто молодости, жизни не жалел своей
За подвиги любви, за самоотвержение!..
И эти все его любимцы — бедняки
Служить — за тридцать су — в мятежные полки
Ушли... И были там, на месте преступления,
Быть-может!..
Нет! Довольно!.. Как ни хороша
Та сказка, что сейчас вы мило рассказали
Про брата, — будто с нами здесь его душа. —
Я не могу ей верить! Вздор все! Вы солгали,
Чтоб убаюкать горе музыкой речей.
Как песнью колыбельной!..
Но в душе моей
Под звук пальбы проснулся вновь инстинкт животный,
И я на казнь врагов пошла б смотреть охотно!
Пусть расстреляют и невинных, не беда!..
Они убили брата. И я рада мщенью!

Отец благочинный.

Мне следует уйти отсюда навсегда,
Сейчас, не подвергая больше оскорбленье
Мой сан. И я уйду. Но мне душевно жаль
Желающую мстить, чтоб утолить печаль, —
Тебя, — несчастную!.. И я с тобою строго
Еще поговорю: твой брат — служитель Бога,
Того, Кто на кресте простил Своим врагам,
Кто проповедывал нам, людям, всепрощенье

И завещал любовь Своим ученикам, —
Твой брат простил своим убийцам, — без сомненья, —
И холодеющей рукой благословенье
Послал в последний час жестоким палачам.
А ты, — пожалуй, — мсти! Злорадствуй казни этой!
Душой отравленной, любовью не согретой,
Кошунствуй, ненавидь, но помни, что твой брат, —
Подвижник о Христе Иван Морель — аббат, —
Когда б его сейчас в военный суд призвали,
Чтоб он судил убийц и участь их решил —
Наверно б пожалел безумцев и простил!..
Я ухожу. Прощай!

Роза (*взволнованная, удерживая его*).

Опять вы растерзали
Мне душу всю... Я знаю... брат мой был святой...
Я — злая!.. Да, он умер с поднятой рукой,
Он их благословлял в последнее мгновенье,
Там, у стены, когда они взялись
За ружья... Батюшка, чтож делать мне?

Отец благочинный (*уходя*).

Молись!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Роза (*одна*).

Молиться?.. Я всю ночь в бреду и в исступленьи
Старалась помолиться... Но я не могла
Молитву кончить... Столько горечи, и зла,
И ненависти жгучей в сердце бушевало...
Попробую теперь... Опять начну с начала...

(*Берет чётки и читает*):

«Отче наш, Иже еси на небесех, да святится
Имя Твое; да приидет Царствие Твое, да будет

воля Твоя... яко на небеси... и на...»

(Прерывает молитву в сильном волнении).

Вся кровь кипит... Кружится голова,
И сердце замерло от нестерпимой боли...
Могу ли я сказать жестокие слова:
Мой брат убит... Отец! Да будет Твоя воля!..

(Опять перебирая машинально чётки, читает).

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави
нам долги наша, яко же и мы оставляем...
должником... нашим...»
Как это?.. «Оставляем нашим должникам?»
Кто «должники» мои? Они — убийцы эти!?..
О, Господи, нельзя, нельзя, Ты видишь Сам...
Я не могу простить им ни за что на свете!..
Не верь мне, Господи... Я это солгала ..
Ты знаешь: этих слов сказать я не могла!..

(Швыряет чётки на стол. Молчание).

И батюшка сказал: ваш брат бы, без сомненья,
Простил своих убийц и пожалел бы их...
А я?.. Я — не могу, нет! Выше сил моих!..
Молиться разучилась... Вот еще мученье!..
Мое последнее пропало утешенье?..
Давно ль молилась я... И верила в Отца?..
А нынче «Отче наш» — остался без конца...
Я, видно, никогда его не дочитаю...

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

(В калитку сада быстро вбегает **Жак Леру**, с непокрытой головой, растерзанный, в мундирной куртке мятежных войск. Он озирается по сторонам и, уверившись, что никто его не видал, вбегает в комнату).

Жак Леру *(задышающим голосом)*.

Спасите!..

Роза *(вскрикивает в испуге)*.

Ах!..

Жак Леру.

Спасите, спрячьте, умоляю...
Я вырвался от них... Им не найти следа...
И не видал никто, как я вбежал сюда...
Вы спрячете меня?.. Не будьте беспощадны...

Роза (в ужасе, про себя).

Здесь... здесь... Один из них!..

Жак Леру.

Я — пленный, я — беглец...
Меня версальцы травят сворой кровожадной,
Как зверя дикого... Поймают — мне конец.
Увидят только эту куртку с галунами —
Сейчас к стене, к расстрелу... Там со всеми нами
Расправа коротка... Вы — добрая ведь?.. Да?..
Вы в доме уголок какой-нибудь найдете
Мне — на день, на один?.. И вы меня сласете?..

(Роза молчит и дрожит, смотря на него).

Вы испугались... Нет, я — смирный... Никогда
Не убивал, не грабил... Ваши опасенья
Напрасны... Верьте мне, все эти преступленья
Вчерашние... Я, право, в них не виноват...
Я не расстреливал! Нет, — честью уверяю,
Клянусь вам!.. Если есть у вас отец, иль брат,
Муж или сын любимый, — я вас умоляю, —
Вот, — на коленях, — сжальтесь, спрячьте, ради них, —
Во имя всех людей вам близких, дорогих, —
Меня, — несчастного...

(Становится на колени).

Роза (с злорадною насмешкой).

Брат?.. Спрятать ради «брата»
Ты просишь?.. Встань! Довольно!
Слушай мой ответ
На болтовню твою: был у меня когда-то
Любимый, добрый брат. Теперь его уж нет.
И, хочешь, я скажу тебе, как брата звали,
Разбойник?.. Хочешь ты узнать, куда попал?..

Мой брат — аббат Морель. Его вы расстреляли
Третьего дня!..

Жак Леру (*вздрагивает, хочет бежать*).
Бежать отсюда! . Я — пропал!..

Роза (*загораживает ему дорогу*).
Да, — ты пропал!.. Ни с места!.. Всюду за тобою
Я следом побегу и выдам головою
Тебя версальцам!.. Ну, убей меня, уйди...
И, полумертвая с твоим ножом в груди,
На улицу ползком я выползу, скликая
Народ, и крикну: «вот убийца!» умирая...

Жак Леру.
Вы ошибаетесь... Я вовсе не из тех...
Я был на баррикадах только... И нас всех
Забрали... Я невинен. Сжальтесь!..

Роза.
Нет прощенья,
Пощады нет убийцам! Лучше не теряй
Напрасно жалких слов!.. Хоть плачь, хоть умоляй
С кровавыми слезами, — нет вам сожаленья,
Злодеи, палачи!.. Судить тебя, — казнить —
И чем скорей, тем лучше...
Ты? Ты хочешь жить?
Ты у меня — пощады просишь?.. Здесь о мщеньи
За брата бедного все, все мне говорит:

(Показывает ему старую рясу).
Вот, посмотри, — ветошка старая лежит...
Она — улика вам! Она — воспоминанье
О том, как он вам — нищим, подлым — вам служил...
А как вы отплатили за благодеянья?..
Спасти тебя?.. Вот вздор!..

Жак Леру.
Довольно я просил.
Довольно унижений! Выдайте скорее —
И все тут! Я — не трус. Я умереть сумею.
Не жаль вам человека? Ладно. Я умру.

Угодно ль знать, кто я? Скажу вам на прощанье —
Возрадуйтесь: я — член коммуны — Жак Леру.

Роза.

Вы?..

Жак Леру.

Я не виноват нисколько в расстреляньи
Попов-заложников. Не я их осудил.
С версальцами я дрался; рядовым служил,
Вот вся моя вина... Но, что я презираю
Давно поповское отродье и ханжей —
Святош таких, как вы, я это не скрываю.
Вы доказали мне бездушностью своей,
Насколько лицемерна доброта людей,
Молящихся в церквах своих перед распятым,
Христа считающих за Бога своего,
И не умеющих прощать несчастным братьям,
И предающих их на казнь!..

Роза (про себя).

Слова его...
Не странно ли?.. Слова его напоминают
Что батюшка сказал мне...

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

(Няня вбегает, запыхавшись, из сада).

Няня (не замечая Леру).

Барышня!.. Наш дом,
Наш сад со всех сторон солдаты окружают,
Обыскивают...

(Увидев Леру, вскрикивает).

Ах!..

Роза.

Ступай... Молчи о нем!..

(Няня уходит налево).

Да... да, батюшка был прав... Я чувствую душой:

Брат бы простил его...

Жак Леру.

Ну, вот и смерть пришла.
Прощай, жена! Прощайте, детки!.. Знать, была
Такая мне судьба!

Роза *(быстро решившись, дает ему в руки рясу и шляпу и ведет к двери налево).*

Скорей... Сюда... Я скрою
Вас в этой комнате... Вот, вот спасенье вам!..
Наденьте рясу!.-

Жак Леру *(изумленный).*

Я?..

Роза.

Переоденьтесь там
Живее!..

(Леру скрывается в комнате налево, унося рясу и шляпу).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Роза *(одна).*

Брат мой милый!.. Видишь, поступаю
По-христиански я, — как ты бы поступил...
Покорна я тебе: я палачам прощаю...
И пусть святая ряса эта, что носил
Ты, мученик, спасет врага от наказания!..

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Роза *(одна).*

(Из глубины сада быстро входит **офицер**, сильно возбужденный, взволнованный; за ним несколько солдат).

Офицер *(останавливаясь в дверях)*.

Сударыня, позвольте... Коммунар у вас
Тут где-то скрылся... Он вбежал сейчас
В ваш переулок... Где он?... Ваши показанья
Мне нужны. Говорите правду. — Поскорей!..
Я перерою дом... Команда у дверей,
Скрывать — напрасный труд...

Роза *(спокойно)*.

Ошибкой, без сомненья,
Ко мне попали вы?... Я в крайнем изумленьи...
Прошу вас, оглянитесь, где вы?..

(Офицер оглядывает комнату; видит распятие, Мадонну, картины духовного содержания и останавливается в смущении).

Этот дом
Я занимаю с братом; мы живем вдвоем;
Других жильцов тут нет... А в доме у аббата
Откуда ж коммунар возьмется?..

(Жак Леру в рясе и шляпе показывается в дверях и останавливается, как окаменелый, при виде офицера).

Вот — мой брат!

Офицер *(откланиваясь)*.

Простите, извините, господин аббат!..
Сударыня, простите...

(Уходя, солдатам).

Ну, — вперед, ребята!

(Уходят).

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Жак Леру (растроганный).

Я вечно буду помнить... Жизнью всей готов...
За вашу доброту...

Роза (перебивал его).

Ах, нет... Не надо слов...
Бегите! Защитит вас всюду ряса эта...
Вы ею спасены!

(Жак Леру медленно уходит. Роза провожает его глазами, пока он не исчезает из виду).

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Роза (одна).

Мой брат! В жилище света
Ты счастлив ли теперь?.. Наследство приняла
Сестра покорная: творит твои дела,
Хранит в душе твои святыя упования...
(Становится на колени).

Благослови ее молитвы окончанье!..
(Читает). « — И остави нам долги наша, яко же
и мы оставляем должником нашим. И не введи
нас во искушение, но избави нас от лукавого.
Аминь».

Занавес.

КОММЕНТАРИИ

Вольтер. Микромегас.

Фрагмент из сказки Вольтера был включен Л.Н.Толстым в его сборник "Круг чтения" (1-я редакция 1904 г., М., "Посредник", 1906; 2-я редакция — 1908 г.).

Виктор Гюго. Сила детства.

Рассказ представляет собой художественно переработанное изложение стихотворения В. Гюго «La guerre civile» («Гражданская война»). Рассказ был прочитан Толстым в фонограф 19 апреля 1908 г., затем перепечатан и вновь исправлен. Впервые напечатан во втором издании «Круга чтения», т. III. М., 1912.

Ги де Мопассан. Дорого стоит.

Пересказ Л.Н.Толстым отрывка из очерка Мопассана «Sur l'eau» («На воде», 1888). Впервые был издан в Англии в 1890 году. В России рассказ был опубликован впервые в 1901 году.

У. Д. Хоуэллс (Гоуэллс). Эдита.

Уильям Дин Гоуэллс (William Dean Howells, 1837-1920) — один из наиболее плодовитых и влиятельных американских писателей и критиков. Был другом Марка Твена, оказывал поддержку многим молодым, начинающим в то время писателям. Рассказ «Эдита» напечатан в 1905 г., однако написан ранее и связан с событиями американо-испанской империалистической войны 1898 г. Не рискуя раздражать общественное мнение в обстановке военного угара, он избегает конкретных указаний на политические и военные события.

Марк Твен. Военная молитва.

The War Prayer, написана в 1905 году. Эта притча является отголоском участия Марка Твена в Антиимпериалистическом движении. Впервые напечатана в 1923 году. Перевод с английского Т.Кудрявцевой.

Ф. Коппэ (Коппе). Прощение.

Франсуа Коппэ (François Coppée, 1842-1908) — известный в свое время французский поэт, драматург и публицист, с 1884 года — член Французской Академии; испытал влияние Виктора Гюго. Многие его стихотворения и рассказы прославляли простых французских рабочих и пользовались большой популярностью не только среди интеллигентной публики, но и в народе. Пьеса "Le Pater" (Отче наш; в данном переводе — Прощение), высоко ценимая Л.Н.Толстым, появилась в 1889 году и была снята со сцены за попытку заговорить о Коммуне 1871 года с пониманием и всепрощением. Неоднократно издавалась в толстовском издательстве «Посредник» в переводе А.П.Барыковой.

СОДЕРЖАНИЕ

Вольтер. Микромегас	3
В. Гюго. Сила детства	4
Г. де Мопассан. Дорого стоит	7
У. Д. Хоуэллс. Эдита	10
Марк Твен. Военная молитва	23
Ф. Коппэ. Прощение (пьеса)	26
Комментарии	49

Сборник **“Военная молитва”**

Источники текстов:

Вольтер. **“Микромегас”**, В. Гюго. **“Сила детства”**: Л.Н.Толстой. **Круг чтения**. Т. 1, 2. М., "Политиздат", 1991.

Г. де Мопассан. **“Дорого стоит”**: Л.Н.Толстой. **Собр. соч. в 22 тт.** Т. 12. М., "Худож. лит.", 1982.

У. Д. Хоуэллс. **“Эдита”**: Американская новелла XIX века, т. 1, М., 1958.

Марк Твен. **“Военная молитва”**: М.Твен. **Собр. соч. в 12 тт.** Т. 11, М., "ГИХЛ", 1961.

Ф. Коппэ. **“Прощение”**: “Стихотворения и прозаические произведения А.П.Барыковой”, СПб., 1897.

Редактор: Адаменко В.В.

Эл. адрес: adamenko77@gmail.com

Макет создан: 06.09.14

Сдан в печать:

Тир. 999 экз.